

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**ВИТАЛИЙ
РАУЛ**

**УБИТ
В ПЕТЕРБУРГЕ
ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ ГИБЕЛИ
АЛЕКСАНДРА II**

Дело не закрыто

Виталий Раул

**Убит в Петербурге. Подлинная
история гибели Александра II**

«Алисторус»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3

Раул В. М.

Убит в Петербурге. Подлинная история гибели Александра II /
В. М. Раул — «Алисторус», 2018 — (Дело не закрыто)

ISBN 978-5-907028-01-2

До сих пор версия гибели императора Александра II, составленная Романовыми сразу после события 1 марта 1881 года, считается официальной. Формула убийства, по-прежнему определяемая как террористический акт революционной партии «Народная воля», с самого начала стала бесспорной и не вызывала к себе пристального интереса со стороны историков. Проведя формальный суд над исполнителями убийства, Александр III поспешил отправить под сукно истории скандальное устранение действующего императора. Автор книги провел свое расследование и убедительно ответил на вопросы, кто из венценосной семьи стоял за убийцами и виновен в гибели царя-реформатора и какой след тянется от трагической гибели Александра II к революции 1917 года.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-907028-01-2

© Раул В. М., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Убит в Петербурге	6
Предисловие	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Часть II	18
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виталий Раул
Убит в Петербурге. Подлинная
история гибели Александра II

© Раул В.М., 2018

© Раул В.М., медиасценарий, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Убит в Петербурге

Предисловие

Версия гибели императора Александра II, составленная Романовыми сразу после события 1 марта 1881 года, просуществовав без малого 140 лет, сохранилась до нашего времени. Проведя формальный суд над исполнителями убийства царя-реформатора, его восприемник Александр III поспешил отправить под сукно истории скандальное устранение действующего императора по совершенно очевидному мотиву – обладанию российским тронном. Борьба за трон шла беспрерывно с начала 1979 года до момента убийства императора, причем носила форму «революционной борьбы» группы маргиналов, объединенных в террористическую организацию «Народная воля». Картина устранения императора Александра II под флагом революционного террора выглядела вполне достоверно, так как российской общественности, включая ее аристократический слой и интеллигентские круги, ничего не было известно о скрытых пружинах конфликтной ситуации, возникшей в монархическом семействе. Говорить о простом народе не приходится – убийство царя-батюшки отозвалось в сердцах русских острой, непреходящей болью. Разумеется, имелся узкий круг лиц, знавших подоплеку тех событий, но общественное положение и материальное благополучие делали свое дело – и эти немногие люди предпочитали помалкивать.

Романовы были сметены с исторической сцены через какие-нибудь 36 лет, но власть, установившаяся в России с ноября 1917 года, не имела никакого желания установить истину, хотя бы на фактологическом уровне. Наоборот, все, что было связано с убийством императора, и прежде всего деятельность партии «Народная воля», стало необходимой составной частью так называемой освободительной борьбы народа России со своей собственной государственностью. Устранение императора Александра II в далеком 1881 году органично перетекло в систематическое истребление Романовых в 1918 году, но уже руками советской власти.

Семьдесят лет советская власть трудилась над созданием своей истории, записав своими предшественниками декабристов, эмигранта Герцена с его «Колоколом» и террористов «Народной воли». В этом «новоделе» исчезла, растворилась наша забытая, царская Россия со своим законодательством, государственными учреждениями и министерствами, спецслужбами и армией. Прделанный советскими историками неподъемный труд, однако, сохранил некоторые следы прошлых событий в виде документов, писем, воспоминаний, неизвестные страницы которых предстоит снова прочитать, но уже чистыми от искусственной пелены глазами...

Часть I

Дети дворянских гнезд

Глава 1

Повести суровой дамы

Громкое убийство императора Александра II, поразившее Россию в самое сердце, описано участницей группы убийц Верой Николаевной Фигнер в бестселлере «Запечатленный труд». Это, по существу, отчет о проделанной работе, завершённой 1 марта 1881 года. По сюжету убийцы трудились бескорыстно, то есть не за вознаграждение, а по совести...

Портрет, открывающий эту знаменитую книгу, поражает. На совершенном по красоте лице женщины – скорбь и опустошение. Фотография, скорее всего, полицейского происхождения: даму только что арестовали; позади все рухнуло, впереди ничего хорошего... На портрете Вере Николаевне Фигнер 31 год, а на дворе 1883-й. Арестом и тюрьмой закончился первый, самый насыщенный период жизни красивой женщины. Убийство русского царя состоялось, цель достигнута, но... Этому образу, созданному стараниями полицейского фотографа, суждено было стать лицом самой дерзкой фирмы, нисколько не стеснявшейся своей специализации – «физическая ликвидация Александра II».

1-го МАРТА 1881 г.

Первую часть своей книги «Запечатленный труд» Вера Николаевна увидела в печати только в 1921 году, когда у власти в России уже укрепились большевики. Работу над книгой она начала только в 1913-м, вполне осознав, что является носителем многих сведений, которые будут интересны российскому обществу в обозримом будущем. В спокойной, уютной обстановке уединенного жилища, с видом на Женевское озеро, оставив далеко позади напряжение подготовки убийства императора в Петербурге, ужасы многолетнего заточения в Шлиссельбурге и недоразумения с новыми «товарищами по борьбе», встретившими ее в эмиграции, Вера Николаевна приступила к первым наброскам. Став добровольным историографом «Народной воли», она, как и большинство мемуаристов, столкнулась с проблемой деталей и так как желала быть правдивой писательницей, то принялась по крохам собирать эти самые детали, эпизоды и воспоминания.

Листая фонд В.Н. Фигнер, хранящийся в РГАЛИ, понимаешь, что даже эскизное описание структуры организации, в которой она состояла, оказалось ей не под силу, не говоря уже о повседневной работе отдельных подразделений «Народной воли». Возникла масса вопросов. Их вполне могли разъяснить выжившие члены «Исполнительного комитета». Таких оставалось немного: Л.А. Тихомир, А.П. Прибылева-Корба, М.Н. Тригоны, Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко и А.И. Зунделевич.

Вера Николаевна, естественно, обратилась к тем из них, кто по жизни был ей понятнее и ближе. Постоянными ее корреспондентами по вопросам деятельности «Народной воли» стали А.П. Прибылева-Корба и Н.А. Морозов, освобожденные так же, по амнистии 21 октября 1905 года. Переписывался с Фигнер и М.Ф. Фроленко, но его письма менее информативны. В переписке всего не скажешь, поэтому Вера Николаевна встречалась со своими подельниками и имела с ними исчерпывающие беседы. Когда и где проходили эти встречи, сейчас установить затруднительно, но они имели место, и содержание этих конфиденциальных разговоров Фигнер предпочла не озвучивать. Как известно, после освобождения, в ноябре 1906 года, Вере Фигнер удалось уехать за границу, где она пробыла до 1915 года. В это время она поддерживала связь с партией социалистов-революционеров, формально была ее членом, но участия в делах партии не принимала. Судьба и здесь постаралась для Веры Фигнер как будущей писательницы. В партии к 1908 году созрел грандиозный скандал: руководитель боевой организации партии социалистов-революционеров Евно Азеф был заподозрен в работе на Департамент

полиции. Обвинения против Азефа выдвинул публицист и издатель Владимир Бурцев. Конфликт между Бурцевым и Азефом набирал обороты, и ЦК партии решил организовать суд, чтобы опровергнуть или подтвердить обвинение. В качестве третейских судей было решено привлечь известных революционеров Г.А. Лопатина, П.А. Кропоткина и В.Н. Фигнер. Главными аргументами обвинения были аресты деятелей партии, а точнее, обстоятельства арестов, имевших явно агентурное происхождение. Бурцев отлично разбирался в постановке агентурной работы охранных отделений и Департамента полиции МВД России. Его главный метод препарирования полицейских секретов – общение с уволенными из спецслужб сотрудниками и выуживание сведений, которыми они располагали. В ходе проведенного частного расследования Бурцев не только доказал причастность Азефа к многочисленным провалам и арестам, но и полностью изобличил его как секретного агента Департамента полиции. Перед глазами Веры Фигнер как третейского судьи проходили впечатляющие картины жизни человека, продававшего партию за деньги Департаменту полиции и в то же время получавшего деньги из партийной кассы на организацию террора.

Заседания суда в Париже и общение с Бурцевым, разумеется, должны были оставить след в жизненном багаже Веры Фигнер и несколько изменить ее взгляд на окружающую революционную действительность, но на эту тему она предпочла не высказываться. Известно только, что Вера Николаевна до конца не верила в виновность Азефа и в доказательства, исходившие от бывших полицейских чинов. Эпизод с Азефом был до боли похож на то, что происходило с «Народной волей», но вычислить предателя в своей собственной организации, а тем более назвать его по имени оказалось для Веры Фигнер неподъемной задачей.

Вполне возможно, однако, что Фигнер не сделала этого по политическим соображениям высшего порядка, так как к моменту публикации книги в России многое изменилось. «Народная воля» стала необходимым звеном в цепи так называемой освободительной борьбы, которую принялись созидать новые советские историки от большевистской партии. Советские вожди охотно согласились иметь своей предтечей «Народную волю», с ее тактикой заговора и неумолимым желанием уничтожить царя. В такой обстановке Фигнер просто не могла позволить себе разоблачения своих соратников, тем более что кроме догадок и подозрений она ничем другим не располагала.

Скелет в шкафу был заперт на ключ и забыт. Революционный эпос «Запечатленный труд» получил окончательную форму трудового подвига, где идея подвижничества в деле убийства отдельно взятой личности оказалась плодотворной и освободила автора от множества каверзных вопросов. Выбранная форма определила и до предела скупой стиль рисунка всей книги и ее образов. Персонажи книги напоминают застывшие изваяния, а их жизнь, лишенная каких-либо радостей, – мертвую схему. Столь скупой рассказ о громком событии, да к тому же без хронологии, создал все же некий эффект законченного действия, не подлежащего дополнительному анализу, – ведь рассказчиком был непосредственный участник событий. Как ни странно, литературный прием, взятый на вооружение Верой Фигнер, сработал: книга революционерки встретила общее одобрение и стала первым революционным бестселлером. Самым важным приобретением писательницы оказалось полное соответствие ее книги новому вектору политического развития России, заданному большевистским переворотом 1917 года. Именно это обстоятельство определило дальнейшую судьбу книги и благополучную жизнь автора.

После устранения самодержавия в феврале 1917 года, в период управления страной либерально-демократическим правительством, появился прямой доступ в архивы Департамента полиции. Такую возможность новые власти предоставили журналисту, редактору легальных журналов по истории революционного движения в России «Былое» и «Минувшие годы» П.Е. Щеголеву, назначив его руководить «Комиссией по разбору дел

Департамента полиции». Работая над первой частью своей книги, Вера Фигнер, по-видимому, обращалась к Щеголеву по одному важному вопросу, который был не ясен всем остав-

шимся в живых членам «Народной воли». Вопросы этого они никогда не озвучивали, не обсуждали в прессе, а тем более в личной переписке. Сформулировать его можно, только сопоставляя текст некоторых глав «Запечатленного труда», документы фонда Фигнер в РГАЛИ и публикации П.Е. Щеголева по «Народной воле».

В фонде Фигнер хранятся протоколы допросов Александра Михайлова, которого сама Вера Николаевна называла Хозяином-устроителем «Народной воли». Так оно и было: именно Михайлов инициировал создание новой организации на Липецком съезде, был бессменным членом ее Распорядительной комиссии, а по факту – ее руководителем. Он ведал финансами «Народной воли», только ему была известна дислокация всех конспиративных квартир, и ни одно важное решение Исполнительного комитета не принималось без его участия. Арест Михайлова 28 ноября 1880 года был воспринят Исполнительным комитетом как катастрофа. Не меньшей катастрофой стали аресты ключевых деятелей «Народной воли» в январе и феврале 1881 года: Колодкевича, Баранникова, Клеточникова, Желябова и Тригоны, а также некоторых лиц, выполнявших подсобные функции. Все вместе они составили внушительный список потерь организации.

Объяснить природу арестов народовольцы не могли, а поэтому обращение Фигнер к Щеголеву за помощью в разрешении проблемы выглядит вполне логичным. Проблема предательства в «Народной воле» заинтересовала как самого Щеголева, так и главного специалиста по провокаторам и шпионам В.Л. Бурцева. Щеголев предпринял энергичные поиски в архиве Департамента полиции, направление которых понятно по появившимся впоследствии публикациям. Щеголев прежде всего проверил показания Михайлова на следствии, которые он давал под протокол, и копия его показаний осела в архиве Фигнер как главное доказательство непричастности Хозяина к арестам января-февраля 1881 года. Кроме этого, Щеголев обнаружил несколько неотправленных писем Михайлова из Петропавловской крепости родным. В свою очередь, родные Михайлова передали Щеголеву много писем Михайлова из крепости, и Щеголев опубликовал письма отдельным сборником.

Все добытые Щеголевым документы удовлетворили Веру Фигнер настолько, что она смогла написать в первой части своей книги следующие весьма прочувствованные строки: «Для нас Александр Михайлов был незаменимым товарищем. Он был, можно сказать, всевидящим оком организации и блюстителем дисциплины, столь необходимой в революционном деле; в его лице мы потеряли тяжелую и прямо невозместимую утрату... Талантливый организатор, проницательный в распознавании людей, он был педантичен, последователен и неумолим в проведении организационных принципов» [1]. Понятно, что такое не напишешь о человеке, которого подозревают в двойной игре.

Глава 2 Горечь победы

После Октябрьского переворота, с апреля 1918 года, функции комиссии Щеголева перешли к «Особой комиссии при секретном отделе историко-революционного архива в г. Петрограде», которую возглавил один из самых заметных революционеров того времени Н.С. Тютчев. Прошлое Тютчева вызывало уважение и абсолютное доверие: друг и соратник Квятковского по «Земле и воле» и «Народной воле»; член ЦК партии эсеров и участник ее Боевой организации, сиделец страшных тюрем и каторжных застенков Сибири, он был самой подходящей фигурой для разбора «грязного белья» Департамента полиции. В «Особой комиссии при секретном отделе...» Н.С. Тютчев провел достаточно времени, чтобы понять простую истину: настоящую секретную агентуру и операции, с ней связанные, спецслужбы не документировали, и вскрыть такую работу по имеющимся документам невозможно. Вместе с П.Е. Щеголевым Тютчев проделал огромную работу, разгребая полицейский мусор, но никаких сенсаций и

впечатляющих открытий не последовало. Несколько незначительных публикаций в «Былом» и список провокаторов, в котором оказались 5000 фамилий, – вот и все, что удалось «нарыть» в секретных анналах российской полиции.

Внушительный список провокаторов содержал фамилии людей, имевших отношение к деятельности полиции в результате разного рода жизненных ситуаций, в том числе желания заработать сотню-другую или просто «пощекотать нервы». Серьезной политической агентуры «Тютчевская комиссия» не обнаружила. Продолжая работу над книгой, Вера Фигнер контактировала с Тютчевым по вопросам, касавшимся «Народной воли», и здесь возникла первая коллизия, которая потом имела далеко идущие последствия. Тютчев обнаружил в архиве Департамента полиции два дела об Иване Александровиче Петровском: дело о высочайшем пожаловании И.А. Петровскому личного, а затем потомственного почетного гражданства и дело о назначении ему пенсии. Ознакомившись с делами Петровского и изучив «Книгу записей арестованных при III отделении», Тютчев опубликовал обнаруженные документы в специальном номере «Былого» (№ 4–5) за 1918 год.

Из документов следовало, что Петровский – не кто иной, как Иван Окладский, осужденный по «процессу шестнадцати» в далеком 1880 году. Публикация в «Былом» так и называлась – «Судьба Ивана Окладского» – и подробно рассказывала о молодом рабочем пареньке Ванюшке Окладском, помощнике Андрея Желябова в неудачной попытке подрыва царского поезда под Александровском в 1879 года. Находясь в Петропавловской крепости, Окладский стал оказывать услуги следователям Департамента полиции и был настолько полезен, что его в конце 1883 года освободили от наказания и выслали на Кавказ. Окладский продолжал сотрудничать с полицией вплоть до революции 1917 года. Публикация в «Былом» не произвела в среде уцелевших народовольцев особой сенсации, и только по одной причине: Ванюшка Окладский был арестован в июле 1880 года и физически не мог знать ничего о последующей деятельности организации. Кроме этого, он состоял в организации простым подсобным рабочим, который мало что знал и имел узкий круг контактов. Полиции он был полезен только для опознания вновь арестованных и как «подсадной» в соседние камеры для перестукивания. Одним словом, на глобального предателя Окладский явно не тянул, поэтому в первую часть «Запечатленного труда» он не попал и вопрос предательства в рядах «Народной воли» остался открытым.

Вступительная часть эпоса «Запечатленный труд» закончилась на пятой главе: Вера Николаевна с помощью скупых мазков в стиле авангардистов изобразила свое благополучное детство и юность, учебу в институте благородных девиц в Казани, удачное замужество и учебу в Швейцарии. Природная скромность или новые пролетарские ценности не позволили Вере Николаевне назвать полное наименование учебного заведения, которое ей довелось закончить: «Родионовский институт благородных девиц». В книге она называет его просто «институт». Такая мелочь на самом деле имеет знаковый характер – фигура умолчания присутствует во многих эпизодах повествования, там, где автор что-то скрывает или не имеет достаточной информации. Так она мельком упоминает о своем замужестве и расторжении брака с судебным следователем Филипповым, не называя причины развода; ничего не известно о годах ее жизни в Цюрихе и действительных причинах внезапного прекращения учебы. Разве можно что-нибудь понять из такого объяснения: «Муж уже не был мне помехой, так как еще весной я написала ему, что отказываюсь от его денежной помощи и прошу прекратить со мной все сношения. Но медицина, диплом? До окончания курса оставалось каких-нибудь полгода; я уже обдумывала тему для докторской диссертации, к которой должна была приступить через два-три месяца. Надежды матери, ожидания знакомых и родных, смотревших на достижение ученого знания как на блестящий и тяжелый подвиг, самолюбие, тщеславие! Все это приходилось разбить собственными руками, когда цель эта уже перед глазами. Когда я проанализировала

как эту сторону, так и другую, где были друзья, что эти люди томятся в тюрьме и уже испытывают тяжелую долю... – я решила ехать» [1].

Девушка двадцати трех лет, из вполне «достаточной» семьи, за полгода до окончания курса медицинского факультета в университете Цюриха бросает все, уезжает в Россию, и только по одной причине – ее друзья уже в тюрьме, а она все еще на воле. Девушке опротивела жизнь успешной дамы – ее потянуло к страданиям! Скорее всего, причины внезапного отъезда были более приземленными, но Вера Николаевна предпочла такое объяснение. По ходу повествования показная жертвенность, лишённая здравого смысла, станет ее фирменным стилем и в советское время приобретет авторитет эталона. Кроме этого, обстоятельства полной неясности некоторых эпизодов революционной борьбы заставили писательницу прибегнуть к новому стилю изложения, стилю трех «без»: без хронологии, без подробностей и без документов. Винегрет из трех «без», приправленный скупой революционной слезой, стал прекрасным блюдом на столе советской пропаганды на долгие годы.

После публикации первого тома «Запечатленного труда» статус Веры Фигнер как главной революционерки советской страны стал стремительно укрепляться. Несколько омрачали ее отношения с советским руководством, прошлые связи с партией социалистов-революционеров. Симпатии автора советского бестселлера к партии эсеров нетрудно понять. Идеологические установки партии, такие как требование Учредительного собрания, раздачи земли крестьянам и т. д., были близки и знакомы Фигнер.

По существу, это была идеология «Земли и воли» и «Народной воли», разработанная еще в 70-х годах. Как советской власти удалось «приручить» неукротимую революционерку? Это большой вопрос. Разрешился он в 1925 году по окончании процесса И.Ф. Окладского.

Первая часть книги В.Н. Фигнер «Запечатленный труд» увидела свет в декабре 1921 года. Книга охватывала период с 1852 по 1883 год и представляла собой автобиографию совершенно уникальной личности, которая за свои тридцать с небольшим лет жизни была участницей событий, сыгравших для России, без преувеличения, роковую роль. Уже в мае следующего, 1922 года в печать была сдана вторая часть книги «Когда часы жизни остановились». Она была полностью посвящена годам тюремного заключения Фигнер, ошеломляющего по своей длительности и степени изоляции.

В жизни Веры Фигнер начался новый этап деятельности в России в условиях советской власти. Она вступила в него, став известным автором самого читаемого революционного бестселлера, который быстро переступил границы России и стал достоянием мирового сообщества. Начало было многообещающим и, как казалось, вполне предсказуемым. Победившая партия большевиков была на первых порах терпима к разного рода попутчикам и политическим конкурентам. Допускалось даже их присутствие во вновь создаваемых властных структурах и органах. Кроме этого, в марте 1921 года по инициативе Ф.Э. Держинского и при участии целого ряда «видных революционеров», в том числе Веры Фигнер, было создано «Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев», объединившее бывших каторжан с целью оказания им материальной и моральной помощи на государственном уровне.

Советская власть попыталась локализовать горячий человеческий материал от революции: разных бундовцев, анархистов, но прежде всего социалистов-революционеров и меньшевиков, направив их кипучую энергию на воспоминания минувших дней и распространение знаний по истории русской революции. Однако добросовестных мемуаристов из членов общества политкаторжан (ОПК) не получилось. Вместо собрания лояльных, нуждающихся в лечении и материальной поддержке, когда-то пламенных революционеров партия большевиков получила многолетнюю головную боль от организованной массы, бывших заговорщиков и террористов, отнюдь не забывших, как большевики увели у них из-под носа власть, распустив Учредительное собрание. Уже в августе 1922 года, то есть менее чем через год после создания «Общества политкаторжан...», два видных большевика, бывших учредителями ОПК, М.П. Томский и Я.Э. Рудзутак, обратились в Оргбюро РКП(б) с заявлением о необходимости немедленной ликвидации ОПК [2]. Аргументация предлагаемой меры была просто убийственной: «крайне слабо» ведется культурно-историческая работа; «Общество...» служит лишь убежищем для «или никуда не годного, или явно антисоветского элемента»; эти «элементы» фактически определяют его деятельность; государственные средства зачастую тратятся на контрреволюционные цели. При этом авторы заявления резонно указывали, что «все мало-мальски дельные, стоящие на платформе советской власти бывшие каторжане нашли и идейное, и практическое приложение своим силам или в партии большевиков, или в государственных органах», и устраивать для «непримкнувших» отдельное общество просто опасно. Заявление Томского и Рудзутака хотя и рассматривалось на заседании Оргбюро, но окончательного решения по нему принято не было, и ОПК продолжало функционировать. Внешне деятельность общества не содержала элементов явного антисоветизма: в издаваемом ОПК журнале «Каторга и ссылка» публиковались только мемуары, связанные с отбыванием наказаний при самодержавном режиме; бывшие каторжане могли найти себе занятие в производственных артелях, созданных ОПК, и подлечиться в санаториях Подмоскovie или даже на Черном море.

Вера Николаевна Фигнер с самого начала принимала активное участие в делах ОПК, и все уцелевшие народовольцы естественным образом сплотились вокруг известной писательницы и революционерки. Собственно, осталось их совсем немного в Москве и Питере. В этой устоявшейся с таким трудом жизни Вере Фигнер пришлось пройти еще через одно испытание. В январе 1924 года питерские чекисты арестовали Ивана Окладского, выявленного в качестве агента полиции еще в 1918 году «Тютчевской комиссией». Окладский жил под фамилией Петровского и при устройстве на работу написал в анкете, что в прошлом имел отношение к «Народной воле». Список провокаторов, сформированный Н.С. Тютчевым, позволил без труда идентифицировать Окладского и Петровского как одно и то же лицо. Дело рабочего паренька Ванюшки Окладского, арестованного в июле 1880-го и осужденного по процессу 16 террористов в октябре 1880-го к каторжным работам, вдруг получило совершенно иную окраску и приобрело новый смысл. Ответ на вопрос: кто предавал «Народную волю» в 1881 году? – мог изменить многое в деле убийства Александра II и пролить свет на целый ряд не вполне ясных обстоятельств.

Советское следствие по Окладскому сразу не заладилось из-за твердой позиции подсудимого, отрицавшего свою роль в арестах 1881 года. Следователь В. Игельстром так вспоминал первые допросы Окладского: «На вопросы мои он стал отвечать спокойно и почти небрежно... Да, я Окладский, тот самый... При первых же его словах выяснилось, что великолепно изучил статью Н.С. Тютчева, решил, что это единственный материал, имеющийся против него, и стал, нужно отдать ему справедливость, весьма логично пытаться опорочивать выдвинутые против него положения. Так как он человек, несомненно, очень неглупый, то ему нетрудно было уяснить себе спорные места, и он стал жонглировать фактами, обнаружив изумительную изворотливость» [3]. Если пренебречь знакомой до боли чекистской прозорливостью, то в переводе на нормальный язык Игельстром предъявил Окладскому обвинение в предательстве «Народной воли» именно в январе-феврале 1881 года, то есть перед самым покушением на царя.

Спорным моментом в выдвинутых против Окладского «положениях» было то обстоятельство, что к моменту арестов в январе-феврале 1881 года сам Окладский уже более полугода находился в Петропавловской крепости и «жонглировать» этим фактом пришлось именно Игельстрему. На следствии сама собой возникла версия другого лица, имевшего отношение к арестам, а именно самого Хозяина «Народной воли» Александра Михайлова, тоже находившегося в Петропавловской крепости, но с декабря 1880 года. На первый взгляд она выглядела ошеломляющей, но при содействии Окладского и целого ряда документов Департамента полиции версия четко вписывалась в канву событий. Такая постановка вопроса кардинально меняла даже самые устоявшиеся представления о «Народной воле» в целом.

Разумеется, такой разворот в деле не мог не затронуть Веры Фигнер с ее бессмертным «Запечатленным трудом», в котором Александр Михайлов уже был провозглашен Хозяином-строителем «Народной воли». Так как новая версия событий 1 марта 1881 года стала обрастать новыми подробностями, добытыми советскими следователями, то высшее партийное руководство страны было поставлено перед выбором: или следовать трактовке событий убийства Александра II в интерпретации Веры Фигнер в духе «Запечатленного труда», или подвергнуть дискредитации весь уже обнародованный материал. К решению этого вопроса, несомненно, была привлечена сама Вера Фигнер, и можно себе представить, чего ей стоило выслушать информацию, в какой организации она состояла и на какие деньги совершались «подвиги» «Народной воли». Триумф бестселлера грозил обернуться грандиозным скандалом. Однако советской власти так же, как и Вере Фигнер, скандал был не нужен, и стороны пришли к единодушному решению: объявить Окладского предателем «Народной воли», а все материалы, бросающие тень на Александра Михайлова, вместе с показаниями Окладского засекре-

тить. Таким образом, лояльность главной революционерки страны по отношению к советской власти была обеспечена.

Для подстраховки в № 10 журнала «Суд идет!» за 1924 год опубликовали последнее показание Ивана Окладского на следствии, данное им 30 сентября 1924 года, где есть его категорическое заявление:

«Резюмируя все написанное и сказанное мною, я прежде всего считаю весьма преувеличенной ту худую славу, которой мое имя окружено. Я далек от мысли считать себя виновником разгрома “Народной воли” и, в частности, Исполнительного ее Комитета первого состава... Равным образом я протестую против той роли, которая отводится мне в истории “Народной воли” и революционного движения вообще. Я не великий провокатор, отнюдь нет. Когда я слышу, что мне приписывается разгром “Народной воли”, то я говорю, что это мне слишком много чести. Я не знаю, чем объясняется то обстоятельство, что и во всеподданнейших докладах, и во всех документах жандармских управлений имеется перечисление моих заслуг, таких заслуг, которых я за собой не знаю. Я не знаю, почему, в частности, указывается на то, что благодаря мне были обнаружены лица, принимавшие участие в акте 1-го марта...» [4].

Публиковать такого рода заявления подследственного не было никакого смысла, кроме одного соображения: все здравствующие народовольцы, включая Веру Фигнер, должны были осознать, что советская власть знает об «акте 1 марта» гораздо больше, чем кто-либо, и имеет все основания, чтобы вернуться к теме, если понадобится.

Процесс над Окладским проходил с большой помпой в Колонном зале Дома Союзов с 10 по 14 января 1925 года и был обставлен как показательный. Государственный обвинитель Н.В. Крыленко, преодолевая все неудобные вопросы и малообъяснимые факты, с посильной помощью историка революции профессора П.Е. Щеголева кое-как сводил концы с концами линию обвинения. Однако защитники С.Б. Членов и М.А. Оцеп легко разрушали все шаткие построения Крыленко и выставляли его в самом комическом виде. Среди привлеченных свидетелей была единственная участница событий прошедших лет, знавшая Окладского еще юношей, – А.В. Якимова-Диковская. Вера Фигнер участия в процессе не принимала.

Иван Окладский вел себя на процессе точно так, как и на следствии, строго выдерживая занятую позицию. Только один раз в ходе судебных прений он позволил себе обратиться к суду, что в Петропавловской крепости одновременно с ним находился Хозяин «Народной воли» Александр Михайлов, единственный человек, знавший не только дислокацию всех конспиративных квартир, но и паспорта, по которым жили в этих квартирах террористы. Этот эпизод особенно смутил профессора Щеголева, знавшего, как никто, организацию внутренней жизни «Народной воли». Щеголев отлично представлял: чтобы кого-то выдавать, надо было располагать информацией. В «Народной воле» информацией располагал только один человек – ее Хозяин, а остальные могли сообщить лишь отрывочные сведения в пределах одной квартиры и двух-трех человек, известных ему по кличкам. Непричастность Окладского к арестам ключевых фигур «Народной воли» в январе-феврале 1881 года была очевидной, а полицейская отчетность с многочисленными ссылками на Окладского была явной дезинформацией с целью скрыть реальный источник указаний. Вся обстановка процесса, таким образом, выглядела явным фарсом, с целью спасти от разоблачения вождя пламенных революционеров. Тем не менее процесс Окладского вошел в историю как едва ли не последний из многочисленных советских процессов, где имела место профессиональная защита. Последним аккордом, ставившим под сомнение весь процесс, стали слова из выступления защитника Окладского, профессора международного права С.Б. Членова:

«Поскольку дело идет не об обычном уголовном преступлении, а о действиях, развертывавшихся на определенной исторической канве, в определенных исторических рамках, – понять удельный вес и смысл их можно только путем анализа этой определенной эпохи... Можно ставить себе задачу критической проверки и исторической критики всего фактиче-

ского материала, проходившего по делу, хотя бы он и не имел отношения к тому обвинению, которое Окладскому предъявляется. Это задача чрезвычайно интересная, но, по-моему, в Верховном Суде неразрешимая» [4].

Удельный вес процесса Окладского в советской стране был таков, что за столь плодотворную мысль профессору Членову пришлось поплатиться. Он был репрессирован по первой категории (расстрел) по списку «Москва-центр» от 27 февраля 1937 года на 33 человек, № 31, без подписи представлявшего.

Окладский был, конечно, осужден, но не к расстрелу, как повелось позднее, а всего лишь к десяти годам лишения свободы. Соглашение советской власти с «Народной волей» состоялось. Более того, власти позволили Вере Фигнер и ее ближайшей соратнице А.П. Прибылевой-Корба опубликовать отдельный сборник об Александре Михайлове, его славном революционном пути, снабдив его документами: показаниями на следствии, письмами к родным и, самое главное, неопровержимыми доказательствами его смерти. . . Советская власть после эпизода с процессом Окладского сделала из оставшихся в живых народовольцев своеобразные музейные экспонаты, которые по праздникам демонстрировались широкой публике. Уважение и почет к убийцам царя-реформатора советская власть сочла нужным отметить специальным постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР, опубликованным в центральной печати в год 45-летия преступления:

«1. Назначить пожизненные пенсии оставшимся в живых участникам террористического акта 1 Марта 1881 г., приговоренным царским правительством к смертной казни (заменившей бессрочной каторгой), каторжным работам и административной ссылке: т.т. Фигнер, Вере Николаевне, Якимовой-Диковской, Анне Васильевне, Фроленко, Михаилу Федоровичу, Ивановской-Волощенко, Прасковье Семеновне, Корбе-Прибылевой, Анне Павловне, Морейнис-Муратовой, Фанни Абрамовне, Оловенниковой, Елизавете Николаевне, и Сидоренко, Евгению Матвеевичу – по 225 рублей в месяц.

2. Расходы по выплате пенсий отнести на смету Наркомфина Союза ССР.
Москва, Кремль, 11 марта 1926 г.».

Заклучив соглашение с советской властью о взаимной лояльности, Вера Фигнер предпочла статус музейного экспоната положению политического изгоя, а то и политзаключенного. Такие времена настали в середине 1935 года, когда неожиданно в газете «Известия» от 27 июня было опубликовано решение Центрального Совета Общества политкаторжан (ЦС ОПК), обратившегося в ЦИК СССР с просьбой о ликвидации Общества. В том же номере было напечатано постановление Президиума ЦИК, утвердившего это решение. Столь молниеносные решения не могли родиться по инициативе самого ОПК, а носили явно директивный характер и исходили из партийных органов. К этому времени бывшие политкаторжане, объединенные в Общество, представляли собой развитую структуру во главе с Центральным Советом и отделениями на местах. ОПК располагало своим издательством, Музеем каторги и ссылки в Москве, санаториями и домами отдыха, а также собственным жилым фондом. Весь политико-оздоровительный комплекс начал походить на государство в государстве. Так как Общество представляло собой опасную смесь самых различных политических течений предоктябрьского периода, советское руководство справедливо полагало, что Общество вплотную подошло к созданию радикальных фракций и динамитных мастерских. Решение о ликвидации стало, скорее всего, результатом накопленной советскими спецслужбами негативной информации о разного рода подозрительных связях отдельных членов общества, антисоветской болтовне и неуместных воспоминаниях об идеях Учредительного собрания, дележке земельных угодий и т. д. Характерно, что все мероприятия по ликвидации ОПК курировал секретарь ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов,

докладывая о принимаемых решениях Сталину. Ликвидация проходила хотя и без эксцессов, но воспринималась болезненно всеми бывшими политкаторжанами без исключения.

Вера Фигнер в такой обстановке решилась только на робкое письмо А.М. Горькому, с просьбой переговорить со Сталиным о некотором смягчении кардинального решения о ликвидации ОПК:

«Самое лучшее было бы образование при ЦИК СССР, который доселе отпускал средства Обществу, особой, специальной для обслуживания нужд каторжан, комиссии, с участием нескольких лиц из каторжан по выбору правительства. Такая форма выполнения прежних функций Общества была бы более приемлемой для бывших членов, как более товарищеская, и даже облегчила бы задачу правительственной заботы о них. Я обращаюсь к Вам письменно, потому что состояние здоровья не позволяет мне обратиться лично, и, зная Вашу близость к тов. Сталину, я просила бы, если вы найдете возможным – поговорить с ним об организации специальной комиссии, о которой я пишу Вам» [5].

Эти строки, полные надежды на «товарищеское» отношение советской власти к политическим оппонентам, Вера Николаевна направила пролетарскому писателю как последней инстанции во враждебном окружении. Сама она вряд ли надеялась на какие-либо послабления, так как весь предыдущий опыт общения с партийно-государственной машиной советской страны убеждал в обратном. Политкаторжане, со своими прошлыми заблуждениями эсеровского, анархо-синдикалистского и меньшевистского толка, нашедшие укрытие под зонтиком ОПК, больше не заслуживали снисхождения гуманной советской власти. Дожившим до седьмого десятка людям, изрядно потрудившимся на ниве разрушения российской государственности, пришлось в конце жизни еще раз хлебнуть из горькой чаши общей с большевиками победы. После ликвидации ОПК началась ликвидация самих членов ОПК. Аресты прокатились по всем региональным отделениям и структурам Общества. Бывших политкаторжан выкорчевывали как сорняк, с непременным расстрелом сразу после короткого суда. Старики, всю свою жизнь искавшие высшую справедливость, обрели ее в подвалах НКВД.

Вера Фигнер и ее ближайшее окружение, обозначенное в юбилейном «Постановлении Совнаркома Союза ССР» от 11 марта 1926 года, не пострадало от мероприятий по ликвидации ОПК. Этим людям довелось быть немymi свидетелями устроенной советской властью живо-дерни. Неизвестно, происходила ли хоть какая-то переоценка освободительных ценностей у автора «Запечатленного труда» и ее подельников... Остается только предполагать, что упертые террористы хотя бы в конце своей жизни осознали непрерывную связь событий от убийства царя-реформатора до подвалов НКВД.

Часть II

Наследник. Молодости первые шаги

Глава 1

По воле отца

Наследник-цесаревич Александр Николаевич отметил свое двадцатилетие в Санкт-Петербурге 17 апреля 1838 года и отправился в поездку по Европе. До этого ему пришлось изрядно поколесить по России, знакомясь с образом жизни своего народа, организацией власти и экономики страны. Посылая сына в тур по европейским городам и весям, император Николай I счел нужным в письменной форме разъяснить ему необходимую форму поведения и общения с владетельными особами и обществом, ему неизвестным:

«Любезный Саша. Ты познакомился с Россией, и Бог благословил твое путешествие, которое произвело везде наилучшее впечатление. Тебя увидели и провожали как добрую Надежду – да будет так!

Ныне настало время другого, не менее важного дела. Ты покажешься в свет чужеземный, с той же отчасти целью: т. е. узнать и запастись впечатлениями, но уже богатый знакомством с родимой стороной; и видимое будешь беспристрастно сравнивать без всякого предубеждения. Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания; и что многое достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может. Мы должны всегда сохранить нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, ежели от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость.

Везде ты должен помнить, что на тебя не только с любопытством, но даже с завистью будут глядеть. Скромность, приветливость без притворства и откровенность в твоём обращении, всех к тебе, хотя и нехотя, расположат. Быв со всеми приветлив, будь особенно ласков с военными, оказывай везде войскам должное уважение предпочтительно перед прочими. Не позволяй себе никаких политических суждений, избегай сих разговоров и вообще слушай – рассуждай про себя и только в необходимости отвечай, и тогда – всегда по совести. Неимущим помогай, но без нужды не расточай» [1].

В отцовских советах нет ни одной фальшивой ноты, нет здесь также и давления или навязчивых рассуждений. Все, что император счел нужным передать сыну перед ответственной поездкой, – это результат его личного опыта общения с европейскими владетельными домами на самом высоком уровне. В отцовском наставлении нет ни слова и о главной цели поездки, которая, скорее всего, обсуждалась в тесном семейном кругу, а именно о выборе невесты для наследника престола, которой предстояло стать российской императрицей. По этому вопросу родителям цесаревича Александра, без сомнения, тоже было что сказать сыну, отличавшемуся повышенной чувствительностью и необычайной влюбчивостью.

Историки любят рассказывать о юношеских романах Александра Николаевича и прежде всего об отношениях с фрейлиной императрицы Ольгой Осиповной Калиновской. Да, у Александра был роман с польской красавицей Калиновской, как и с другими дамами Двора Его Величества. Статус Наследника-цесаревича не запрещал легких и быстротекущих отношений с девушками высшего круга, но такого рода отношения не могли иметь последствий. За этим внимательно присматривал как сам император, так и императрица Александра Федоровна. Никакие увлечения сына придворного характера даже не рассматривались и не могли влиять на самый ответственный выбор. Кроме родительских наставлений, наследнику, безусловно, разъяснили основополагающие положения «Учреждения об императорской фамилии» и в особен-

ности смысл последнего на эту тему Манифеста его дяди императора Александра I, данный им 20 марта 1820 года, в котором говорилось:

«Мы признали за благо для непоколебимого сохранения достоинства и спокойствия Императорской фамилии и самой Империи Нашей присовокупить к прежним постановлениям следующее дополнительное правило: если какое лицо из Императорской Фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или владетельному Дому, в таком случае Лицо Императорской Фамилии не может сообщить другому прав на наследование Престола».

Это недвусмысленное положение вошло потом в статью 36 Основных законов Империи [2]. Избранницей Наследника-цесаревича, таким образом, могла стать только девушка соответствующего достоинства, другими словами, безукоризненного происхождения. Вместе с тем родители, обожавшие Александра, дали ему возможность выбирать исходя из личных пристрастий, касающихся внешних данных, манер и т. д. В этом смысле поездка наследника по европейским городам была плановой и на маршруте были предусмотрены обязательные остановки, где имели место принцессы на выданье. План поездки если и существовал, то постоянно менялся в зависимости от планов самого императора Николая I и от состояния здоровья наследника, испытывавшего боли в груди и кашель. Так, ему пришлось на месяц задержаться в Эмсе, поправляя здоровье тамошними водами. Летом наследник пересекался с отцом в Берлине и Стокгольме, а затем ездил самостоятельно в сопровождении внушительной свиты. В свиту входили наставник В.А. Жуковский и попечитель князь Ливен.

Осень и зиму Александр провел в Италии. Пребывание наследника в Риме было омрачено смертью его попечителя светлейшего князя Х.А. Ливена, случившейся 29 декабря 1838 года. Место умершего попечителя занял граф А.Ф. Орлов, человек, пользовавшийся неограниченным доверием императора. Орлов – прославленный кавалерийский генерал и дипломат, сумел быстро завоевать доверие наследника и в дальнейшем принимал участие в самых важных событиях, касавшихся императора и его любимого сына.

Ранней весной 1839 года Александр через северную Италию вернулся в Вену. Именно с Вены начался серьезный кастинг невест, о котором любящий сын постоянно в письменной форме сообщал отцу. Фельдъегерям и специальным курьерам пришлось изрядно потрудиться, так как переписка с Санкт-Петербургом стала особенно интенсивной. Характер докладов сына своему отцу не может не вызывать улыбки – настолько понятны переживания и чувства молодого человека, самостоятельно разглядывавшего живой товар. Вот одно из его писем отцу от 10 марта 1839 года:

«Сюда в Карлсруе мы приехали в 5 часов. Великий герцог (Леопольд Фридрих) меня встретил на лестнице и повел прямо в мои комнаты. Одевшись, я пошел к семье его и тут увидел всю семью и в том числе дочь их, которую мне прочили в невесты, но которая, к сожалению, мне вовсе не понравилась, она среднего роста, с довольно большим носом и дурно одета, и неловка, одним словом, совсем не то, что я ожидал, впрочем, говорят, она умна и доброго характера, но она совсем не в моем вкусе. Итак, милый Папа, рунд минне (любовный круг замкнулся), нечего делать, не знаю, что Бог даст вперед, вся моя надежда на нем, но я опять повторяю, что, верно, никогда не решусь жениться на той, которая мне точно не понравится и которую я истинно не полюблю» [3].

Граф Орлов присоединился к мнению цесаревича в личном письме к императору (март 1839): «...Я перейду прямо к основному вопросу. Принцесса, предназначенная великому князю, не имеет ничего привлекательного, роста среднего, невзрачна, никакой привлекательности в фигуре, добра, я думаю, и в разговоре довольно приятна и очень хорошо воспитана, но в общем ничего выдающегося. И хотя его высочество прибыл с самыми лучшими намерениями и даже, скажу, с нетерпением, он уехал совершенно разочарованным и имел основание, видя ее...».

Николай Павлович не огорчился неудачей, наоборот, порадовался за сына, приступившего, наконец, к серьезному выбору невесты (март-апрель 1839): «Что касается несбывшихся надежд в Карлсруе, это меня не огорчило, потому что я огорчился бы лишь в том случае, если бы оказалась отвергнутой достойная избрания; этого нет, и уже одно желание сделать выбор очень радует меня, и я надеюсь на милосердие Божие, которое ему поможет найти в другом месте то, что ему нужно».

Как всегда, решительный момент в кастинге невест наступил совершенно неожиданно. Прибыв в Штутгарт, Александр со свитой имел намерение двигаться далее на Бибрих, минуя Дармштадт, который не значился в списке обязательных для посещения мест. Граф Толстой, уже взявший в свои руки общее руководство поездкой цесаревича, решил все же захватить ненадолго в Дармштадт, по настоянию секретаря русского посольства во Франкфурте Маркелова, чтобы не обижать местного Великого герцога Гессенского Людвига II. Цесаревич дал согласие на посещение Дармштадта, но с условием короткой остановки в гостинице, без посещения дворца герцога. Далее рассказ Ивана Маркелова:

«Я немедленно выехал в Дармштадт и занял отель “Траубе”. Его высочество изволил приехать в Дармштадт в 6 часов вечера. Великий герцог Гессенский, наследный принц и принцы Карл и Эмиль тотчас приехали приветствовать его высочество и пригласить его на оперный спектакль.

На сцене шла “Весталка”. Здесь же в зале, предшествующей большой ложе, его высочество был встречен всей великогерцогской семьей. Здесь же впервые ему пришлось увидеть принцессу Марию Гессенскую, которой не было в то время еще и пятнадцати лет.

По окончании оперного представления в зале был сервирован роскошный ужин с музыкой. Великий князь, видимо, был всем доволен. Много разговаривали, много смеялись... Все разъехались очень поздно, и великий князь вместо отъезда ранним утром, согласно своему первоначальному намерению, принял приглашение присутствовать на параде и на завтраке у наследного принца.

В момент отъезда из Дармштадта граф Орлов сообщил мне свое намерение отправить меня курьером в Петербург... Вот письмо к государю, – сказал он, – которое поручаю вам вручить в собственные руки. Немедленно берите дилижанс и постарайтесь прибыть в Светлое Христово Воскресенье или накануне в субботу... Если его величество пожелает получить от вас какие-нибудь сведения и подробности относительно принцессы Марии, – передайте ему все то, что вам лично известно» [4].

Вместе с письмом самого графа Орлова Маркелов вез срочное послание наследника Александра императору. В письме к отцу его влюбчивый сын поделился своими впечатлениями от проведенного в театре Дармштадта вечера и о своем окончательном решении:

«13 марта. Понедельник 1839. Дармштадт. Сегодняшний день, милый и бесценный Папа, может быть, останется решительным для всей моей жизни; поутру я оставил Карлсруэ, признаюсь, с грустью в сердце, во-первых, потому что я знал, сколько Ты того желал, что там не сбылось, а во-вторых, я сам того ожидал – и вдруг все исчезло, ибо она точно не по мне.

Сегодня же вечером ложусь спать с надеждой будущего счастья! Вот новый случай сказать: “Человек предполагает, а Бог располагает!” Здесь, в Дармштадте, я видел и познакомился с дочерью гроссгерцога принцессой Марией, она мне чрезвычайно понравилась с первого взгляда, ей будет 27 июля нынешнего года 15 лет, и она еще не конфирмована; для своих лет она велика ростом, лицо весьма приятное, даже очень хороша, она стройна, ловка и мила, словом сказать, из всех молодых принцесс я лучшей не видел. Притом говорят, она доброго характера, умна и хорошо воспитана, что и заметно в разговоре с ней. Она еще молода, но если Ты, милый бесценный Папа, согласишься на мои искренние желания, то два года можно еще подождать, а там с благословением Всевышнего совершить бракосочетание. Я не могу выразить тебе, милый Папа, сколько эта мысль меня делает счастливым, с крайним нетерпением буду

я ожидать Твоего ответа и, следовательно, решения моей судьбы. Отец ее, почтенный старик, вероятно, на все охотно согласится, и она, я надеюсь, тоже... Приехав к себе домой, я переговорил с Орловым и вследствие того решил сейчас же обо всем Тебе написать, милый Папа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.